

Коршунова Надежда Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
декан исторического факультета
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета

Морозков Сергей Викторович

аспирант кафедры отечественной истории и права
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета

**ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
ПРОМЫШЛЕННЫМИ
ПРЕДПРИЯТИЯМИ
ЮЖНОГО УРАЛА В КОНТЕКСТЕ
БИОГРАФИИ ДИРЕКТОРА
ЮРЮЗАНСКОГО ЗАВОДА***

Аннотация:

В статье анализируется механизм работы Юрюзанского завода металлических изделий, крупного промышленного предприятия Южного Урала, во второй половине 1930-х гг. через призму биографии одного из его директоров – Спиридона Захаровича Мирошина. В работе представлена биография типичного представителя промышленной элиты того времени. После короткого и не вполне успешного руководства указанным предприятием директор был обвинен в контрреволюционной деятельности, осужден и расстрелян как враг народа. В исследовании на конкретном фактическом материале показаны основные проблемы и сложные вопросы, с которыми пришлось столкнуться директору предприятия. Это и поставки сырья, и низкая дисциплина рабочих, и другие проблемы, для решения которых у С.З. Мирошина не было ни должных знаний, ни опыта, ни соответствующих личностных качеств. Однако в 1930-е гг. было проще обвинить в диверсиях, чем разобраться в реальных проблемах управления заводом, что тормозило процессы индустриализации и приводило к большим человеческим жертвам.

Ключевые слова:

Южный Урал, промышленность, индустриализация, Юрюзанский завод металлических изделий, политические репрессии, враг народа, директор завода

Korshunova Nadezhda Vladimirovna

D.Phil. in History, Associate Professor,
Dean, Faculty of History,
South Ural State
Humanitarian Pedagogical University

Morozkov Sergey Viktorovich

PhD student, Russian History and Law Department,
South Ural State
Humanitarian Pedagogical University

**FEATURES OF MANAGEMENT
OF SOUTH URAL INDUSTRIAL
ENTERPRISES IN THE CONTEXT
OF THE BIOGRAPHY
OF YURYUZAN
PLANT'S DIRECTOR***

Summary:

The paper analyzes the mechanism of operation of the Yuryuzan plant of metal products, a large industrial enterprise in the South Urals, in the second half of the 1930s through the prism of the biography of one of its directors Spiridon Zakharovich Miroshin. The study presents the biography of a typical representative of the industrial elite of that era. After a short and not entirely successful management of the said enterprise, the director was accused of counter-revolutionary activities, convicted and shot as an enemy of the people. Based on concrete factual material, the main problems and complex issues that the director of the enterprise had to face are shown. These are the attachments of raw materials, and the low discipline of workers, and other problems, for the solution of which S.Z. Miroshin had neither the proper knowledge, nor experience, nor the corresponding personal qualities. However, in the 1930s it was easier to accuse of sabotage than to understand the real problems of plant management, which slowed down the industrialization process and led to significant human losses.

Keywords:

South Ural, industry, industrialization, Yuryuzan plant of metal products, political repression, enemy of the people, plant director.

История развития промышленности в целом и управление предприятиями Южного Урала в период индустриального развития страны во второй половине 1930-х гг. привлекают внимание исследователей с различных позиций: как с точки зрения оценки промышленной индустриализации и модернизации, так и с позиции социальной истории нашей страны, как иллюстрация сталинских репрессий. Следует отметить, что все эти процессы, по сути дела, были сплетены в один клубок, отражаясь в судьбах страны и отдельных людей. В то же время вопросам кадровой политики на промышленных предприятиях Южного Урала посвящены лишь единичные статьи [1].

* Статья выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «МГПИ им. М.Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 01.06.2020 г. № 16-297 по теме «Провинциальные повседневные практики середины 30-х–50-х гг. XX в. (на примере городов и сел Южного Урала)».

В 1930-е гг. шло становление новой государственной элиты из людей, которые свою сознательную жизнь прожили уже при советской власти. Понятно, что их квалификация не всегда соответствовала необходимому уровню профессионализма. Те лица, которые занимали должности директоров заводов, далеко не всегда отвечали необходимым требованиям, как по профессиональным, так и по личностным качествам. Так что же лежало в основе кадровой политики советского руководства: необходимость найти лояльных людей или тех, кто отвечал хотя бы общим квалификационным требованиям? Попробуем разобраться в этом на примере судьбы Спиридона Захаровича Мирошина, директора одного из уральских предприятий – Юрюзанского завода металлических изделий, которым он руководил в 1936–1937 гг.

С.З. Мирошин родился в Шигловском руднике Макеевского района Донецкой области 12 декабря 1890 г., в семье рабочих. В анкетных данных указывал в дальнейшем, что относит себя к категории служащих. Обучался в рудничной школе с 1903 по 1909 гг., после чего работал по найму разнорабочим. В 1907 г. за участие в нелегальной сходке был посажен на месяц в тюрьму. В 1919 г. добровольно вступил в ряды Красной армии, а в 1920 г. стал членом ВКП(б). В 1921 г. был демобилизован для работы по восстановлению Донбасса [2].

В 1927 г. С.З. Мирошин был направлен на учебу в Московскую промышленную академию, на горный факультет, но закончить обучение у него не получилось. Отучившись два года, он решением ЦК ВКП(б) был привлечен для работы в цветной металлургии. В феврале 1930 г. в составе делегации отправился в командировку в Германию и Северную Америку. Целью поездки была закупка бурового оборудования и ознакомление с современным ведением буровых работ. В такие командировки отправляли только очень надежных людей, но при этом профессионалов своего дела. После возвращения занимал пост директора московского треста «Бурцветмет». С января 1932 г. был назначен директором Кыштымского электролитного завода [3]. В сентябре 1933 г. стал председателем районной комиссии по чистке партии в Каменском районе – сложная и ответственная должность. При переводе на партийную работу был освобожден от должности директора Кыштымского завода.

В дальнейшем С.З. Мирошин продолжил свою деятельность как руководитель промышленных объектов. По постановлению Челябинского обкома ВКП(б) в мае 1934 г. был назначен на должность директора Каслинского чугунолитейного завода. Однако в июле 1936 г. на страницах областной газеты была опубликована статья, критикующая С.З. Мирошина как руководителя предприятия. Критика была достаточно жесткой. Подобного рода статьи не появлялись просто так: партийное руководство было явно недовольно деятельностью С.З. Мирошина, но ему решили дать еще один шанс. После опубликования статьи приказом наркома местной промышленности РСФСР он был назначен директором Юрюзанского механического завода.

На новой должности С.З. Мирошин проработал всего полтора года. Уже 2 декабря 1937 г. приказом министра местной промышленности РСФСР № 269 Л его сняли с должности как не обеспечившего выполнения программы 1937 г., допустившего развал работы завода и перерасход фонда заработной платы, цеховых расходов и фонда директора. Он был привлечен к уголовной ответственности, осужден и 20 июля 1938 г. расстрелян по статьям 58-8, 58-9, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР как враг народа.

Таковы сухие факты биографии С.З. Мирошина, которые можно узнать из уголовного дела. Однако насколько действительно была велика вина директора завода в инкриминируемых ему преступлениях? Следует учесть, что Юрюзанским заводом он руководил немногим больше года. За такой небольшой период как развалить, так и восстановить предприятие, если оно находилось в кризисном состоянии, было непросто. Тем более, что обвинения выдвинули в привычном тогда ключе – контрреволюционная деятельность.

Первое и основное обвинение заключалось в том, что он якобы участвовал в контрреволюционной организации правых, куда был завербован в августе 1936 г. секретарем РК ВКП(б) Азволинским. Первый диверсионный акт, приписанный С.З. Мирошину как члену организации правых «Союз спасения Родины», был совершен под его руководством в мае 1936 г., когда на заводе его еще не было. Очевидно, что это явно надуманное обвинение, не требующее в то время каких-либо объяснений и доказательств.

Нам более интересны производственные просчеты С.З. Мирошина и, как следствие финансовое положение данного промышленного предприятия. Был ли директор организатором диверсий, которые следствие поставило ему в вину? Сюда входят: вывод из строя прокатного стана 450, поджог прокатного цеха завода, сокрытие действительных мощностей завода, вывод из строя пилы. Это действительно очень серьезные обвинения, если убрать привычную для того времени контрреволюционную риторику. Поэтому мы рассмотрим данные пункты обвинения не с позиции врага народа, а с точки зрения организации нормального функционирования производства.

По первому обвинению – вывод из строя прокатного стана 450 – из материалов дела не вполне понятно, о какой диверсии идет речь. В уголовном деле прокатный стан 450 фигурирует дважды. В одном случае при осмотре стана старшим вальцовщиком был обнаружен в шейке среднего вала со стороны шестеренной клетки камень (речная галька), который мог привести к длительной остановке стана и убыткам завода в сумме 3–4 тыс. руб. Более того, непонятно нахождение этого эпизода в уголовном деле, т. к. он произошел 6–7 мая 1936 г., а Серафим Захарович принял завод в августе. На наш взгляд, данное происшествие вряд ли могло быть плодом злого умысла, проще было подбросить камень в менее заметное место, которое не контролировалось визуально ежедневно. Кроме того, идеальной чистотой цеха завода никогда не отличались, и все могло случиться.

Второй эпизод и в самом деле привел к остановке стана. Из документов комиссии, расследовавшей происшествие, следует, что «26.05.1936 г. во время работы цеха во второй смене, в 6 часов 50 мин., у контр-привода вырвало подшипник и оторвало кусок обода шкива (приемный шкив от мотора). Контр-привод приводился в движение от стана 300, ремня от мотора не было». На основании этого комиссия пришла к выводу, что причиной явилась некачественная бетонная заливка сусликов для болтов подшипника. Заливка не схватилась с основным бетонным фундаментом, анкерные болты расшатались, что привело к аварии. И в то время С.З. Мирошина еще не было на данном предприятии, но это не смутило карательные органы. Более того, даже прежнему руководителю данное происшествие едва ли можно было напрямую вменить в вину. Разве что упрекнуть в неграмотной организации охраны, которая должна следить за тем, чтобы строители не расхищали цемент и качественно готовили бетон.

Следующее преступное деяние, приписанное директору завода, – поджог прокатного цеха. Уже в 1962 г. комиссия по реабилитации С.З. Мирошина провела допрос свидетелей того случая, что помогает существенно прояснить дело. Некоторые неточности можно списать на давность лет и огромное количество самых разных случаев произошедших после, но этот эпизод запомнился его участникам. Так, один из свидетелей, Иван Яковлевич Микерин, бывший в то время начальником заводского снабжения, рассказывал: «в 1937 г., месяц не помню, загорелась кладовка, расположенная на втором этаже прокатного цеха. В этой кладовке сгорела часть хранимой спецовки, но ущерб был не велик». Дополнил картину происшествия Михаил Иванович Гончаров, старший мастер, а затем и начальник прокатного цеха. Он рассказал: «в феврале 1937 г. был небольшой пожар в прокатном цехе. Ночью загорелась кладовка со спецодеждой. Загорание, как я считаю, произошло случайно. В число спецодежды работников прокатного цеха входили веревочные лапти. Кому-то из вальцовщиков перед концом смены попала искра. Не заметив этого, он в числе других разделся, и свои лапти оставил в кладовой. Лапоть сначала тлел, потом загорелся и произошел пожар. Убыток был небольшой. Внутри сгорела деревянная перегородка. Да когда тушили пожар, разломали крышу...» [4].

Оба свидетеля считают, что директор завода к данному пожару отношения не имел. С этим сложно не согласиться. Ведь пожар кладовки с ношеной робой и поджог прокатного цеха – вещи разных порядков. Рисковать положением, давая членам своей организации подобное задание, директор точно не мог. Это полная профанация идей организации правых «Союз спасения Родины», а не диверсионный акт, даже если поверить в мифическую контрреволюционную деятельность С.З. Мирошина. В то же время мы понимаем, что руководитель несет ответственность за вверенное ему имущество и помещение и косвенно виновен в пожаре, т. к. не обеспечил должное соблюдение мер пожарной безопасности. Другими словами, как руководитель он виновен в пожаре, но не в поджоге.

Следующая позиция обвинения – сокрытие действительных мощностей завода. Обвинение априори абсурдное, т. к. скрыть что-либо на государственном предприятии, тем более которым руководишь небольшой срок, крайне сложно. Известно, что завод часто простаивал, не имея в достаточном количестве металла. Если в этом и можно усмотреть вину руководителя, то только лишь как неумелого хозяйственника, который не смог наладить поставки. Но здесь нет состава преступления.

Последнее обвинение уголовного дела было предъявлено С.З. Мирошину по аварии металлорежущей пилы. Это произошло 4 июня 1937 г., в результате два человека были травмированы. Авария произошла вследствие того, что рабочий, который резал этой пилой блюмсы, с чрезмерным усилием подал блюмс на пилу. В результате пила лопнула и произошла авария [5]. Однако подобные аварии возможны на любом крупном предприятии. Косвенно руководитель несет ответственность за все, но обвинять напрямую, да еще считая, что именно он спровоцировал это чрезвычайное происшествие, противоречит здравому смыслу.

С.З. Мирошин принял Юрюзанский завод в конце августа 1936 г. Предприятие выполняло производственную программу не более чем на 60 %, но и в 1937 г. показатели были неудовлетворительными: за первое полугодие было выполнено только 25 % годового плана. В целом по валу – 47,4 %, снижение по сравнению с прошлым годом – 12 %. По цехам: гвоздильный – 60 %, подковный – 34 %, шиповой – 36 % [6]. К концу года ситуацию исправить не удалось. При годовом плане в 11 477 тыс. руб. выполнено 5 304,3 тыс. руб., или 46,2 %, и к концу месяца – 45,4 %. Продукция предприятия: подковы – 41,4 %, гвозди – 50,2 %, шипы – 29,6 %, крючья – 89 %, ключи для крючьев – 12,5 %. Из них продукции первого сорта: подковы – 62 %, гвозди – 47,8 %, шипы Нейса – 61,4 % [7].

Позволить такую работу государственному предприятию в те годы никто не мог. Если проанализировать причины невыполнения плана, необходимо отметить следующее. Силовая станция завода не была обеспечена качественным топливом, что повлекло за собой хронически недостаточное снабжение цехов предприятия производственными материалами (подковное железо, шиповая сталь, инструменты, подсобные материалы). Выделенные фонды на топливо завод не мог реализовать, что ставило под угрозу срыва производственную программу. Силовое оборудование работало с перебоями, требовался ремонт и замена паропроводов, электропроводка была в плохом состоянии, котлы системы Стерлинга требовали немедленного капитального ремонта, станочный парк был морально изношен, запчастей не было [8]. Обеспечить выполнение программы в таких условиях не представлялось возможным, но ответственность лежала на руководителе завода.

Трудовая и производственная дисциплина на Юрюзанском механическом заводе мало отличалась от дисциплины на других заводах Челябинской области. Так, в первом полугодии 1937 г. невыходов на работу по неуважительным причинам – 1628 человеко-дней, и это не считая многомесячных простоев цехов. Несвоевременное начало работы, преждевременное ее окончание, несвоевременный приход на работу некоторых руководителей, недостаточная организация рабочих мест не позволяли в полной мере реализовать потенциал предприятия [9]. Сложившаяся ситуация не могла не повлиять на качество выпускаемой продукции. Качество поставляемого с большими перебоями металла увеличивало долю 2-го сорта и брака. Основная причина последнего – некондиция гвоздильной ленты, износ оборудования. Потери от брака за первое полугодие составили 143,4 тыс. руб.

Была предпринята попытка вывода из строя основной силовой машины завода локомотива «Ланц» путем короткого замыкания на щите. Бдительность рабочих позволила вовремя обнаружить переключку. Главный инженер подложил два болта в подшипник трансмиссионного вала, и тянущий станок вышел из строя на 10 дней [10]. Ремонт был произведен с нарушениями: ремонтный машинист Привалов вложил в головку цилиндра микровоздушного насоса гаечный ключ, после чего вылетели 4 клапана. Из-за некачественного и несвоевременного ремонта производственное оборудование находилось в катастрофическом состоянии. Вновь приобретенные гвоздильные станки в количестве 30 штук не были своевременно освоены. Кондиционные подковы отбраковывались. Приобретенная трубная заготовка на 70 тыс. руб. лежала мертвым грузом [11]. Было забраковано 850 т гвоздильной ленты, но из-за непоставок начали использовать и ее. Реконструкция завода с капиталовложениями в 14 млн руб. не привела ни к увеличению выпуска продукции, ни к повышению ее качества.

Были и другие проблемы. Так, выяснилось, что молоко рабочим вредных цехов выдавали и от зараженных бруцеллезом коров, а мясо больных паратифом свиней поставлялось в пионерские лагеря [12]. Надо заметить, что за поставки продовольствия должны были отвечать ветеринарные службы и начальники сельскохозяйственных отделений. Конечно, бесхозяйственности было много, однако сложно предположить, что она явилась следствием действий вновь назначенного директора. Это было следствием общей халатности и непрофессионализма.

Вопросы снабжения, конечно, лежали в сфере ответственности директора. Снабжение металлом в первом полугодии 1936 г. было весьма неудовлетворительное: при общей потребности в 9 944 т было выделено всего 6 850 т (68,8 %). А в первом квартале 1937 г. при потребности в 4 878 т было получено 125,5 т (2,5 %). Поставщиками Юрюзанского механического завода были Миньярский металлургический завод и Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина, которые под разными предлогами срывали поставки металла.

Цветные металлы на завод поступали в следующем порядке. Меди и латуни требовалось 900 кг, получено 0 кг; меди в ломе – 1 000 кг, не получено ничего; бронза – 2 000 кг, получено 206 кг; сурьма – 500 кг, получено – 0 кг; олово – 200 кг, получено 18,7 кг; свинец – 100 кг, не получено ни одного [13]. Из-за подобной ситуации с поставками Юрюзанский механический завод простоял за первое полугодие 1937 г. 23 382 человеко-дня. В том числе: подковный цех – 83 дня,

кроме того, недоработали – проколка гвоздевых отверстий – 64 дня, нарезка шиповых отверстий – 49 дней, шлифовка – 55 дней. Шиповой цех простоял 66 дней. Гвоздильный цех – 37 дней. Механический и инструментальные цеха не сумели обеспечить производственные цеха инструментом и запчастями [14]. Убытки от простоев можно было отнести за счет поставщика, но ничего сделано не было, только это и стоило ставить в вину С.З. Мирошину. За столь короткий срок руководства заводом он практически ничего не успел сделать.

По совокупности инкриминируемых С.З. Мирошину преступлений 20 июля 1938 г. он был расстрелян как враг народа. Реабилитирован 23 августа 1962 г. Военной коллегией Верховного суда СССР. Как отмечалось в реабилитационном листе, «Мирошин Спиридон Захарович был несколько слабохарактерным человеком. Он не был твердым в решении отдельных производственных вопросов. По-видимому, это связано с тем, что Мирошин не успел за время работы в качестве директора Юрюзанского металлзавода освоить новое для него производство» [15]. Это подтверждается оценкой, данной заместителем начальника Уралмедьстроя по кадрам Ф. Гулиным: «Вял. Цветную металлургию знает слабо. Не склонен. Со спокойным и выдержанным характером. На данную работу в качестве заместителя по кадрам подходит. Более крупные работы дать нельзя. Политически вполне выдержанный» [16].

Проанализировав работу директора Юрюзанского механического завода С.З. Мирошина, отметим следующее. При сложившихся обстоятельствах ситуацию на заводе мог изменить лишь человек с высокими лидерскими качествами, непререкаемым авторитетом, железной волей и уверенностью в правоте порученного дела. Более того, необходим был профессионал, который мог бы за короткий срок обеспечить высокий рост производства и решение социально-бытовых вопросов на предприятии. С.З. Мирошин не обладал подобными качествами, за что поплатился жизнью.

Эта история характерна для 1930-х гг., когда требовалось не просто хорошо управлять, но уметь мобилизовать все силы для подъема производства. Помочь в этом директорам предприятий было фактически некому, т. к. профессионалов своего дела было мало, главным образом «самородки». Известно, что страна в то время шла курсом ускоренной индустриализации. При подобном быстром темпе было крайне сложно поддерживать его необходимыми ресурсами, особенно инженерными и руководящими кадрами. Именно руководителей, как правило, обвиняли во всех неудачах и провалах ускоренного формирования промышленного потенциала страны. Власти было проще списать просчеты на диверсии и врагов народа, запугать, а не разбираться в реальной ситуации, помочь директорам заводов исправить положение дел. Все это приводило к большим моральным и человеческим жертвам, которых можно было бы избежать при грамотном государственном управлении.

Ссылки:

1. Сизов Д.А. Формирование руководящих кадров оборонно-промышленного комплекса Южного Урала (1930–1950-е гг.) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2007. Т. 52, № 22. С. 328–337; Полкунова С.Ю. Формирование системы управления легкой и пищевой промышленностью Южного Урала в 1921–1940 гг. // Наука и современность. 2010. № 7-1. С. 86–90; и др.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. (Челябинский обком КПСС). Оп. 69. Д. 792. Л. 2.
3. Там же. Л. 6–13.
4. ОГАЧО. Ф. Р-467 (Управление Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР по Челябинской области). Оп. 4. Д. 5681. Л. 258.
5. Там же.
6. Там же. Л. 142.
7. Там же. Л. 80.
8. Там же. Л. 84.
9. Там же. Л. 153.
10. Там же. Л. 37.
11. Там же. Л. 38–39.
12. Там же. Л. 39–40.
13. Там же. Л. 141.
14. Там же. Л. 143.
15. Там же. Л. 260.
16. ОГАЧО. Ф. П-288. (Челябинский обком КПСС). Оп. 69. Д. 792. Л. 3.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична